

В. П. МЕЩЕРСКИЙ

Нечто о консерваторах в России

Во всякое время у нас, а в эпоху последних реформ в особенности, чувствовалась, так сказать, в политическом образе мыслей ошибка, или, вернее, одно из тех роковых заблуждений, которые имеют влияние на весь ход исторического развития народа, и которое у нас в настоящее время как будто иными смутно начинает сознаваться и приводить к какой-то реакции, но к реакции весьма запутанной и сложной, посреди которой, как в хитро завязанном узле, не знаешь, где найти ту нитку или тот узелок, с которого должно начать развертывание узла.

Это роковое заблуждение заключалось в мысли, что в России, в отличие будто бы от других государств, можно совершать реформы в либеральном духе, обходясь совершенно без консерваторских или охранительных начал. Откуда эта странная мысль взялась?

Сколько кажется, она есть продукт чиновнического ума, не знающего Русского народа. Поставленный на либеральную стезю, чиновник рассуждал так: в России, в отличие от государств Запада, правительство самодержавно и неограниченно, сословий исторических нет: есть правительство и народ; реформы, исходя сверху, какие бы они ни были, приемлются народом как указы, к исполнению осуществляются посредством правительственных чиновников, и затем все приходит мало-помалу к тому обновленному состоянию, которое имеет в виду правительство, как конечную цель всех своих преобразовательных предначертаний.

Исходя из этой мысли, чиновники отрицали, чтобы правительство могло бы быть когда-нибудь слишком либерально или недостаточно консервативно: они отвергали в принципе и в сущности даже обязанность правительства ввиду собственных интересов,

нераздельно связанных с государственными, — держать в равновесии стремления либеральные с началами консервативными. Все это пустяки, говорили чиновники: это имеет смысл в конституционных государствах, где есть две палаты, где есть правая и левая сторона: а у нас, помилуйте, у нас ничего этого нет, у нас никаких консерваторов быть не может: все должны быть одной партии — правительственной.

Как бы странно рассуждения эти ни были, но в то время, когда они стали слышаться на поверхности высших слоев общества, гораздо еще страннее был тот факт, про который я уже говорил, что самые умные, самые честные и самые свободомыслящие люди в русской тогдашней интеллигенции стали под знамена этих чиновнических заблуждений только для того, чтобы не дать судну носившему эмансипацию, на котором за борт выкинуто было чиновничьим экипажем дворянство, наткнуться в своем плавании на консерваторские подводные камни. Выше я назвал в числе этих людей славянофильскую партию; но не она одна перешла на сторону этого чиновнического воззрения: почти все, мыслившие прежде иначе, люди в разных сферах общественной жизни перешли на сторону чиновников, отвергавших безусловно нужду для правительства консерваторских идей.

С тех пор прошло почти двадцать лет, и так как в течение этого времени, благодаря отсутствию консерваторских идей в начале, обнаружилась масса явлений самого беспорядочного свойства в общественной жизни, то совершенно естественным ходом вещей те люди, которые двадцать лет назад были одинокими личностями, не только не смевшими во имя консерватизма группироваться в партии, но даже подпадавшими под подозрение враждебно будто бы настроенных против правительства умов, теперь уже составляют кружок более или менее единомышленников, который, за неимением пока еще твердо установившегося взгляда, получил все же известную нравственную силу и известную смелость высказывать как свои мнения, так и свои опасения за наше политическое будущее.

С этими консерваторами надо уже считаться.

Но любопытно прислушаться к тому, как либеральные чиновники, продолжающие еще быть заодно с мнимо-либеральной газетной и журнальной печатью, хрипло допевающей свои последние либеральные песенки, рассуждают в ответ на заявления лагерем консерваторов своих мнений.

Они, прежде всего, хотят уличить во лжи этих консерваторов: «Что? — говорят они. — Вы, небось, 20 лет назад пророчили революцию, резню, разрушение порядка, гибель России, и этими ужасами хотели запугать правительство на пути благодетельных либеральных реформ.

Вам это не удалось. События изобличали лживость ваших пророчеств; реформы совершились спокойно; Россия могучим ходом идет вперед, благосостояние везде удесятеряется, беспорядков нигде нет, народное образование подвигается исполинскими шагами вперед. Но вам это досадно; вас это приводит в негодование, и вы снова с яростью набрасываетесь на реформы, чтобы ими объяснять те частные уклонения и уродливость, которые кое-где являются в виде исключительных, отдельных случаев, и ничем общего не имеют с общей картиной повсеместного благосостояния России».

Так говорят теперь либералы-чиновники и либералы-журналисты, прибавляя к этому *pour la bonne bouche** в виде утешения: «Консерваторы хотят восстановления крепостного состояния, уничтожения земства, суда присяжных и т.д., но горе, если теперь идти назад: тогда-то и только тогда можно ожидать всевозможных беспорядков» и т. д.

Вся эта музыка имеет целью помешать, так сказать, здоровому взгляду на Россию нынешнюю, взять верх над взглядом чиновническим: чтобы правительство не могло быть испугано успехами деморализации общества, лжелибералы возводят на консерваторов самым грубым и бесцеремонным образом клевету в крепостничестве и затем хотят еще более запугивать умы призраками каких-то народных ужасов, неизбежных при ходе назад, о котором никто и не помышляет.

Но как бы груба, пошла, и нехитра ни была эта политика наших лжелибералов, как бы бессмысленна ни была эта подтасовка понятий и мыслей с целью взводить клевету на намерения консерваторов в России, они, то есть лжелибералы, еще не настолько утратили кредита в массах нашей публики, чтобы не производить известного нервного действия; очень многих образованных лиц до сих пор еще коробит и гнет в три погибели при словах «консерватор» и «консерватизм», и коробит их потому, что, благодаря лжелиберальной печати и лжелиберальному

* На закуску (*фр.*).

чиновничеству, слово «консерватор» для них тождественно со словом «крепостник».

Смешно было бы приниматься доказывать, что консерватор не крепостник, и что нынешние консерваторы вовсе не хотят вернуться ни к крепостному состоянию, ни к старому внешнему порядку политической жизни: спорить с умышленно лгущими и сознательно клеветящими — не значит ли ронять себя в собственных глазах?

Но обо всем этом надо упоминать, ибо нынешняя ложь наших псевдолибералов как нельзя удачно связывается с их ложью 20 лет назад и непосредственно, очень наглядно из нее вытекает.

20 лет назад они очень бесцеремонно объявили, что правительство и общество, вступая в период реформ, могут обойтись без консервативных начал. Сегодня, когда часть общества как будто чувствует себя неловко от сознания отсутствия в обществе и в его учреждениях консервативных начал, они же, т. е. лжелибералы, не менее бесцеремонно объявляют, что самое неловкое состояние части общества происходит не от отсутствия консервативных начал, но от усилий крепостников возвратиться к эпохе крепостного состояния.

Очевидно, что они, то есть лжелибералы, по-видимому, логичны в том и в другом своем объявлении.

Но весь вопрос в том: могут ли правительство и общество в настоящее время быть с этими лжелибералами солидарными, и называть крепостничеством опасение многих за отсутствие в русской государственной жизни, равновесия между движением мысли вперед и неподвижностью и устойчивостью основ нашего государственного строя?

Вопрос этот весьма важен.

Мне кажется, что ответить на него нельзя иначе, как безусловно отрицательно.

Лихорадочное состояние умов посреди ломки старого порядка и созидания нового, извинявшее ослепление многих на счет всей той фальши, которая под предлогом прогресса пущена была в нашу духовную жизнь, миновало. Теперь настала пора более спокойного состояния умов, при котором ослепление может быть причиной уже роковых, неисправимых ошибок.

Чтобы избегнуть этих ошибок, надо постараться видеть ясно в современной жизни, где фальшь и где, напротив, истина, надо восстановить каждое понятие в его настоящем смысле; надо

сказать себе, и притом с убеждением, что русское государство, в котором сверху консерватизм будет по внушению чиновников и фельетонной печати называться крепостничеством, а дворянство родовое — представителем этого крепостничества, элементом революции посредством хода назад, что русское государство при таких условиях существовать не может, будь оно сто раз сильнее самодержавием нашего, и существовать не может именно потому, что оно русское, то есть потому, что такое воззрение на наше государственное развитие инстинктивно, то есть существенно противоречит духу, гению, инстинктам Русского народа, который искони был и всегда будет консервативен, пока его не переделают в развращенный выродец своих крепких духом предков.

Что нам прежде всего нужно: либеральные теории или целостность государства? Полагаю, что прежде всего нам нужно обеспечить себе правильный порядок государственной жизни для обеспечения, в свою очередь, этой жизни будущности; ибо трудно себе представить, какой будет толк от либерализма, если его полезные начала будут применяться одновременно с разрушительными!

Либерализм должен иметь свое место в нашей жизни, и большое место, но не менее большое место должен иметь и консерватизм.

Либерализм один царствовать не может даже в республиках.

Неужели же у нас в России мыслимо его единоцарствие? Где же основы такого порядка вещей? Неужели в нашем народе?

Как я уже не раз говорил, неисправимая ошибка была сделана тогда, когда дух либеральных преобразований сосредоточился в нашем чиновническом и журнальном мире вместо того, чтобы его сосредоточить в союзе нашего высшего правительства с дворянством — нечиновничьим. Из этого союза вышло бы, может быть, то, что реформы были бы меньше либерально-остры: но, не переставая быть либеральными, они были бы народные, ибо дворянство, как я сказал, дворянство землевладельческое — все же одно из всех сословий России известными сторонами сливалось с народом и поневоле отражало бы в себе дух народа.

Чиновники — наоборот: они отражали в себе теории либерализма и полное разобщение с народом; свобода, ими задуманная, имела очень бойкие и острые стороны, но она мало роднилась со сторонами русской, народной жизни.

Весьма вероятно, что если бы вместо чиновничества и газетной печати руководителями общественного движения в духе свободы

вперед явилось русское дворянство, оно непременно явилось бы в союзе с народом и с русским духовенством, которое есть одновременно и часть народной Церкви, и часть самого народа.

Тогда бы с первой же минуты установилось независимо от формы нашего управления то самое равновесие между стремлениями вперед западного прогресса и между охранительным движением чисто русских народных и государственных учреждений, во главе которых стоит наша Церковь и к числу которых принадлежит наша семья; и раз это равновесие было бы установлено, было бы нетрудно при осуществлении дальнейших реформ его поддерживать. Все общество жило бы в духе, так сказать, этой борьбы — правильной, спокойной и неизбежной борьбы начал прогресса и ее полной свободы с началами старой жизни, которая для всякого народа есть тоже свобода, и свобода весьма драгоценная — свобода его духа, его преданий, его идеалов, его верований, и т.п., словом — борьбы точно такой же, каковой она является при парламентаризме в Англии.

Живя в духе этой борьбы, мы бы не находили нечего дикого, ничего аномального в предъявлении одновременно с требованиями прогресса тех требований уважения к старине, к семейству, к народу, к власти, и наконец, к Церкви, которые в государствах, где свобода приобреталась не переворотами, переживают все либеральнейшие кризисы; но которые у нас в настоящее время и печатью, и массой публики, и даже чиновниками, — обзываются юродством.

Смешно сказать, но, увы, это так. В Европе только два государства пережили общественные перевороты с колебанием своих основ: государства эти — Франция и Россия. В этих обоих государствах слово свобода получило с той первой минуты, когда оно было произнесено, — ложно роковое значение своеволия, отрицания и разрушения: своеволия в выборах и определении сторон жизни и учреждений, нуждавшихся в обновлении; отрицания — потому, что первым делом наших прогрессистов было отрицать все положительные стороны нашей исторической жизни, и, наконец, разрушения — потому, что с первой же реформы в государстве признано было нужным разрушить вместе со случайными неправильностями в нашей исторической жизни и все ее жизненные основы.

Да, смешно сказать, что в России, где глава государства располагает непосредственно такой силой столько же нравственной,

сколько вещественной, что именно в таком государстве направление, данное реформам помимо Главы государства чиновническим духом, было именно то самое, которое во Франции привело к ряду революций, одна другой ужаснее и одна другой нелепее, и было оно то самое потому, что чиновничий либеральный дух, вероятно, сам не ведая того, нанося удары дворянству, нанося удары старому порядку жизни, прежде всего наносил удары тем живым основам, на которых держится искони наша государственная власть, и к числу которых принадлежало начало общения народа с государственной властью посредством дворянства. Общение это и посредничество это были далеко не политические: дворянин не являлся в виде уполномоченного от народа к царю или, наоборот, — в виде посланника от царя к народу; то и другое, то есть общение народа с властью посредством дворянства, было чисто нравственное, или духовное, и заключалось в том, как я уже говорил, что волею или неволею образованный дворянин, мысля о народе, — мыслил более или менее в духе этого народа, ибо жил или с ним, или очень близко от него; а раз оно, то есть дворянство, стоя у престола, мыслило о народе более или менее верно, оно незаметно являлось единственной живой связью, — связью разумной между властью и народом.

Раз дворянство под предлогом, что оно было живым существом только вследствие крепостного права, а не в силу своего органического сожития с народом, было удалено от влияния на реформы как сословие, будто бы враждебное правительственному почину к реформам, и заменилось оно чиновниками и дешевой вседневной печатью, явился уже не действительный, а фиктивный мир Русского народа и русского государства, нечто вроде субъекта для всевозможных клинических над ними опытов хирургии и медицины.

Чиновники-реформаторы как профессора любой клиники стали делать свои опыты, не обращая никакого внимания на мысль: что может быть, если этот усыпленный субъект был бы живой, он бы мог доказать неосновательность и несостоятельность многих из предвзятых теорий.

Будучи сам именно в состоянии сна, ибо он был невежественен, народ, как раз в минуту реформ, совершавшихся для него, лишен был, так сказать, естественного истолкователя своих нужд; за него и за этих истолкователей взялись мыслить и говорить одни только либеральные чиновники и одна только либеральная печать.

А между тем, спрошенный в свое время посредством своих переводчиков-дворян, народ имел бы многое, что сказать по поводу духа и идей совершавшегося общественного переворота.

Он бы, вероятно, явился с полным запасом тех консервативных нужд, которые во всех государствах высказывают представители народа одновременно с нуждами прогресса, и которые потому самому столько же обязательны, сколько и последние при осуществлении реформ, имеющих целью народное благо и упрочение будущности государства.

Прежде всего, как я уже сказал, уж то было бы хорошо, что в священный сосуд великих реформ не было бы примешано ни чиновнической, ни журнальной фальши: каждая мысль, каждое понятие носили бы свое настоящее имя: свобода была бы свободой, крепостным состоянием был бы назван не весь старый строй России, а только крепостные отношения крестьян к помещикам, освобождение крестьян было бы только освобождением крестьян, а не введением в русскую жизнь нивелирующего начала для всех исторически сложившихся авторитетов русской жизни, и там, где было бы увлечение уйти слишком далеко в область свободы, то есть в чрезмерном разобщении с народом, там была бы непременно со стороны дворянства остановка этого увлечения во имя народных, духовных интересов.

Но главное, тогда бы начало всей перестройки положено было бы правильное и прочное, тогда как теперь, действительно, псевдолиберализм есть как будто бы основание бояться, чтобы крик какого-нибудь консерватора не поколебал основ великих реформ в том смысле, в каком их поняли наши лжелибералы; ибо при всем своем желании быть передовыми, передовыми *grand meme**, они все-таки чувствуют, что легло-то в основу их либеральной новой России совсем не то, что было прочно тогда, и прочно теперь, а что-то шаткое — либеральные утопии чиновников-народолюбцев, тогда как должны были бы лечь те же самые основы, какими прожила России свои 980 лет до эпохи нынешних реформ. На поверхности либерально настроенного в данный момент своего развития общества могут всплывать всевозможные так называемые *idees avancees***, передовые мысли, но когда эти самые случайные мысли с поверхности общества переходят

* Очень даже (*фр.*).

** Передовые взгляды (*фр.*).

в основы его строя или его реформ, тогда основы эти не только сами по себе непрочны, но они производят непрочность самого строя, самих реформ.

Живо помнится мне то время, когда дебатировался, например, вопрос о волостях и волостном самоуправлении одновременно с разрешением вопроса о крестьянской свободе, личной и имущественной. В увлечении чисто и односторонне-либеральном из этой модной случайной идеи создать нечто красиво либеральное под видом мужицкого *self-governmen** вдруг вырос какой-то принцип нераздельный, будто бы, от органической части крестьянской реформы, принцип, который поспешили признать основой всего крестьянского нового мира, и что же? Действительно, чиновникам утопистам удалось это дело: волостное самоуправление при всей своей непрактичности, при всем несогласовании его со складом русской жизни, жизни того самого народа, которому оно навязывалось как благо, при всей его, так сказать, беспочвенности, эфемерности, при всем отсутствии в нем консервативного начала и, наконец, при всей экзажерации** в нем либеральной теории, легло все-таки в основу новой народной жизни. Но не прошло десяти лет, как все отрезвившиеся от опьяненного народолюбием состояния испуганно глядят на эту шаткую основу пятидесяти-миллионного мира с одной стороны, а с другой стороны — на эту страшную неразумную силу, данную в руки одному только невежественному народу, парализовать которую не может ни один образованный человек в России. И что же?

Едва только прозревшие люди увидели всю несостоятельность этой либеральной химеры, обратившейся в основу строя государства, — они и ужаснулись безобразия волостного самоуправления; едва только даже сам народ стал стонать под игом навязанного ему благодеяния, коего либерализм он не может постигнуть, — как со всех батарей либеральной печати и либерального чиновничества начали раздаваться страшные крики: «Как? — говорят они — Вы хотите трогать волостное управление; вы разве не знаете, что оно основание крестьянской реформы; вы, значит, хотите ввести опять крепостное состояние, разрушить все благодеяния эмансипации?!» и пр. пр., и публика испуганная не знает, кому верить.

* Самоуправление (англ.).

** Преувеличение (от *лат. exaggeratio*).

Но общественный *malaise** все-таки усиливается, ибо никакие разглагольствования либерального пошиба не могут уже теперь обмануть мало-мальски зорких и понятливых людей. *Le choi xest fait, rien ne va plus***, как восклицали на рулетке. Беспочвенность, непрактичность и химеричность волостного самоуправления выдали самих себя.

Но заметьте, что из этого всего выходит. Волостное самоуправление в том виде, в каком оно было создано положением 19 февраля, именно потому, что оно было произведением чиновнического духа ненависти к дворянству, не столько измышлено было для блага крестьян, сколько для того, чтобы лишить возможности дворян каким бы то ни было образом соприкоснуться к крестьянскому миру. Трудно верится, чтобы в то время эта ненависть чиновничьего либерализма к дворянству была так страстна и слепа, но факт налицо: предпочли отдать весь крестьянский мир с десятками миллионов душ на произвол пьяных писарей и кулаков дедов-старшин, предпочли поставить весь крестьянский мир в такое положение, где бы он мог растрлиться и разрушиться дотла, чем допустить единственное образованное сословие в России иметь какое бы то ни было влияние на крестьян. Ввиду такого факта трудно не поверить тем, которые даже в действительности желания чиновников освободить крестьян от крепостной зависимости сомневаются.

Вероятно бы, если на место чиновников призваны были вопрос о волостном управлении решать дворяне-помещики, они бы не предложили посредством волостного управления забрать себе в руки вновь крепостное право, но они бы, вероятно, очень основательно заметили, что между освобождением крестьян от помещичьей собственности в личном и имущественном отношении и крестьянским самоуправлением в такой крупной сфере как волость, ровно ничего нет общего; ибо если допустить, что для свободы крестьян нужно им заведовать волостью, то есть частью уезда, нет причины, чтобы для той же цели крестьянам не даны были в исключительное заведование уезды, а там и губернии и т.д., они бы сказали тоже, и тоже не без основания, что освобождение крестьян от крепости не должно значить, при крестьянском уровне образования, освобождение от всякой власти, освобождение от всякого влияния. Напротив, самая эта свобода,

* Болезнь (*фр.*).

** Выбор сделан, ставок больше нет (*фр.*).

сказали бы дворяне, требует строгого подчинения крестьян дисциплине и нравственному влиянию образованного сословия, то есть дворянского, и если священник местный должен был бы требовать от крестьянина уважения к нему и к Церкви и иметь духовно-нравственное влияние на крестьянский мир, то не менее желательно, чтобы политически-нравственное влияние на этот крестьянский мир имело бы дворянство; и, во всяком случае, — участия в волостном управлении, по меньшей мере, наравне с мужиками — оно вправе было себе требовать.

Но всего этого не случилось.

А теперь, как только построенное на либеральной химере волостное управление обличило свою несостоятельность окончательно, выходит что? Один говорит: надо ввести в волость дворянина; другие говорят: да, может быть действительно это единственное средство спасти волостное самоуправление; но это невозможно сделать, ибо тогда явится опасность разрушения всего положения 19 февраля, ибо положение о крестьянском самоуправлении есть одна из его основ.

И они правы, — те, которые боятся коснуться этой основы, ибо раз вы коснулись одной основы, можно коснуться и другой, и тогда много ли останется от положения 19 февраля: только свобода лица и его надел?

Правда, можно им ответить: да вольно же вам было такую химеру, такую либеральную фальшь класть в основу такого вечного здания, как положение 19 февраля, но все же раз — это роковая ошибка была сделана, не знаешь — можно ли ее исправлять 14 лет спустя посредством отмены целой части положения 19 февраля.

Приходится ждать, покуда волостное это управление рушится само собой, когда сгнут его тленные корни.

А затем надо обдумывать этот факт, как важный урок, даваемый нам судьбою.

Из этого урока мы должны извлечь ту несомненно практическую истину, что даже в нашем государстве нельзя быть правительством либеральным без уравнивания этого либерализма элементом консерватизма.

А консерватизм представляли собой в 1860 году все-таки дворяне-землевладельцы в союзе с народом и духовенством.

